

Интерференция смысла в одическом слове Г. Р. Державина

В.В.Федоров, О.А.Кравченко

Донецкий национальный университет, Украина
(Донецк)

Ключевые слова: ода, одическое слово, классицизм, интерференция смысла.

В данной статье нас будет интересовать тот особый вклад, осуществленный Державиным в движение русской литературы от классицизма к реализму, понимаемому, по выражению И. Киреевского, как «поэзия действительности».

Это движение включало в себя изменение как предмета изображения, так и поэтических способов этого изображения. Указанное движение началось не с Державина и завершилось не им, но то, что он сделал, оставило значительный, хотя и как бы персонифицированный след в историческом развитии поэзии.

Чтобы глубже понять сущность произведенных Державиным изменений, обратимся к сравнению. Так басня Фонвизина «Лисица-кознодей» представляет значительный интерес в композиционном отношении. Басня состоит из двух монологов – Лисицы и Крота. Выступление лисицы по своему пафосу является одическим, слово крота – сатирическим. Одический пафос монолога Лисицы до настоящего времени не получил должной оценки, и характеристика слова Лисицы, данная Кротом («О лесть подлейшая!») разделялась и читателями басни, и ее позднейшими исследователями. Этому способствовало и определение жанра. Между тем, свое слово Лисица, в согласии с поэтикой оды, посвящает не воспеванию Льва как персоны, но воспеванию государства, Львом персонифицированного. Этот момент позволяет снять с Лисицы обвинения в лести.

Отметим, что в басне Фонвизина происходит столкновение двух «слов» – Лисицы и Крота. Одическое же слово, по характеристике М. М. Бахтина, отличается непререкаемым авторитетом, оно не встречает противослова и не предполагает никакой дискуссии. Аудитория оды монолитна. Аудитория Лисицы как оратора со всей очевидностью не отвечает этой характеристике. Выступление Крота, хотя и потаенное (Крот «шепнул» Собаке свои обличения), но это именно противослово, притом созданное в соответствии с поэтикой сатиры: здесь характеризуется Лев как персона, и характеристика эта неліцеприятна.

Слово Лисицы оценивается Кротом без учета его жанра, а потому и воспринимается как лесть. Лев же оказывается точкой схождения двух выступлений, жестко определенных рамками жанра. Этими «словами» Лев разделен на «государя» и «частное существо». Оба высказывания имеют основание, и правда на стороне обоих.

Таким образом, выявляется несоответствие наличного классицистского репертуара жанров своему «предмету». Из басни Фонвизина становится очевидно, что человек как предмет поэтического изображения ускользал от поэтического слова, распадаясь на личность и функцию.

Впервые же слово «человек» как настоящий предмет поэзии произнес Державин. В «Стихах на рождение в Севере порфирородного отрока» была строка, ставшая знаменитой:

*Будь страстей своих владетель,
Будь на троне человек.*

Александр родился в 1777 году, и тогда же Державин написал оду, как и положено в этом случае. Но через два года он переделал оду самым радикальным образом. Во-первых, стихотворение не было разделено на строфы, во-вторых, Державин прибег к хореическому размеру (вместо нормативного четырехстопного ямба). Лирический герой этого стихотворения отнюдь не горит «пермесским жаром», скорее напоминая простака, который не сразу понимает то, что происходит. Античные образы, хотя и употребляются, но в сниженном, обытовленном виде. Борей является в виде «лихого старика», нимфы засыпают от скуки, сатиры зябнут и греются «вкруг огней».

Главное событие стихотворения – дары гениев новорожденному. Когда у Александра есть уже все необходимое для того, чтобы быть достойным государем, является последний гений и дарит ему «добродетель» – дар, очевидно, не нужный «царю», но необходимый человеку. Стихотворение «На рождение...» было своего рода наброском будущей «Фелицы».

«Фелица» – ода со всеми необходимыми формальными признаками. Но, как и в стихотворении «На рождении в Севере...», лирический герой резко отличается от лирического героя ломоносовской оды. Державин ставит его в ситуацию, для оды не характерную: он, во-первых, прославляет Фелицу, во-вторых, разоблачает свои пороки. Державин, как и Фонвизин в своей басне, преследует двойную цель – одическое прославление и сатирическое осмеяние. Но Державин не разбивает свое произведение на два высказывания двух персонажей. Лирический герой «Фелицы» – Мурза – автор одного высказывания, у которого четко обозначены две противоположные по функции цели: ода и сатира. Тут мы встречаемся с еще одним новаторским приемом Державина – несовпадением замыслов лирического героя и автора. У Ломоносова лирический герой совпадал с автором, поэтому выделять его как особого субъекта со своей точкой зрения не было необходимости. Лирический герой как особая составляющая лирического произведения появляется только в оде Державина.

Лирический герой оды «Фелица» – Мурза – предстает искренним как в одическом прославлении Фелицы, так и в сатирическом осмеянии собственных пороков. Высказывание в его устах, в зависимости от того, на кого оно направлено, однозначно

по смыслу: или прославление или осмеяние. Но итоговое впечатление отличается от того, на которое рассчитывает Мурза. Происходит это благодаря тому приему, который мы условно определили как интерференцию смысла – по аналогии с оптическим эффектом интерференции света.

Как известно, каждый цвет излучает волны, имеющие определенную характеристику. Если два цвета оказываются рядом, то излучаемые ими волны образуют в результате взаимодействия новую комбинацию, которая по-своему действует на сетчатку глаза, создавая впечатление нового цвета. Подобным образом два или несколько высказываний каждое со своим комплексом значений, пересекаясь с другими комплексами, могут порождать такие смыслы, которых нет в каждом отдельном высказывании-слове. В отличие от интерференции света (краски можно смешать и добиться нужного цветового эффекта), интерференция смысла порождает такое значение, которое невозможно обозначить отдельным словом, поэтому этот смысл не закрепляется и не формализуется, но является вполне ситуативным.

В «Фелице» есть строфа, в которой Мурза осмеивает свой порок чревоугодия:

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд...

Эта часть высказывания Мурзы по замыслу является сатирической, и с его точки зрения она свою функцию выполняет. Но читатель в описании стола видит скорее признаки изобилия природы, чем описание переживания голодного человека, жадным взглядом пожирающего кушанья. Поэтому взгляд автора на Мурзу – это не взгляд сатирика на порочное существо, но взгляд человека на человека.

Четкое разделение двух субъектов как предметов восхваления и порицания, согласно замыслу Мурзы – субъекта высказывания, в результате интерференции смысла как авторского приема становятся описаниями двух разных индивидуальностей с их слабостями и достоинствами. Мурза оказывается жизнерадостным гедонистом, а Фелица – похвально правильной, но скучноватой особой.

В творчестве Державина соединение различных жанровых перспектив, направленных на человека (одической и сатирической, как в басне «Лисица-кознодей»), обращается в интерференцию смысла, своей многогранностью фиксирующей богатство человеческой личности как основной предмет поэзии.